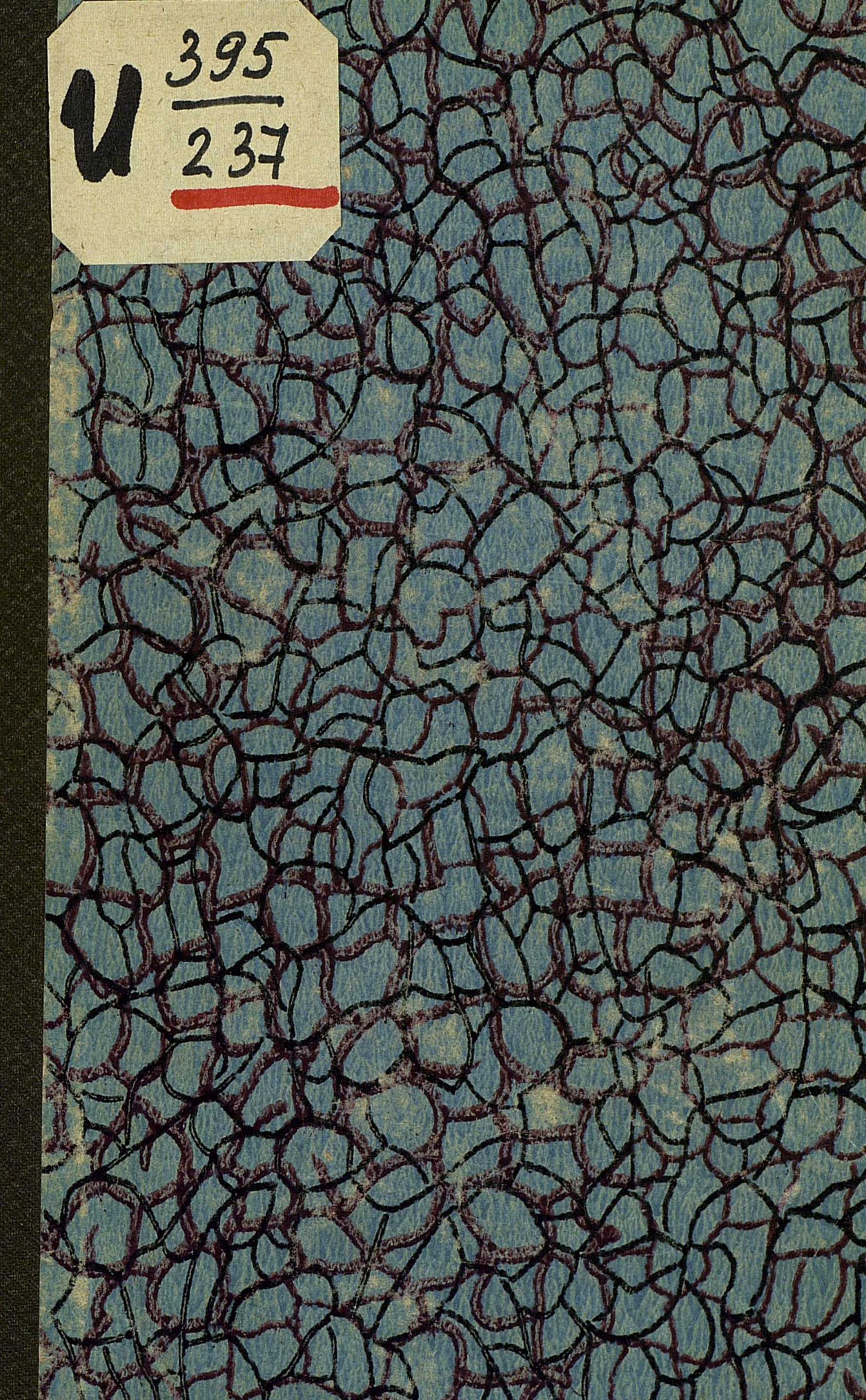
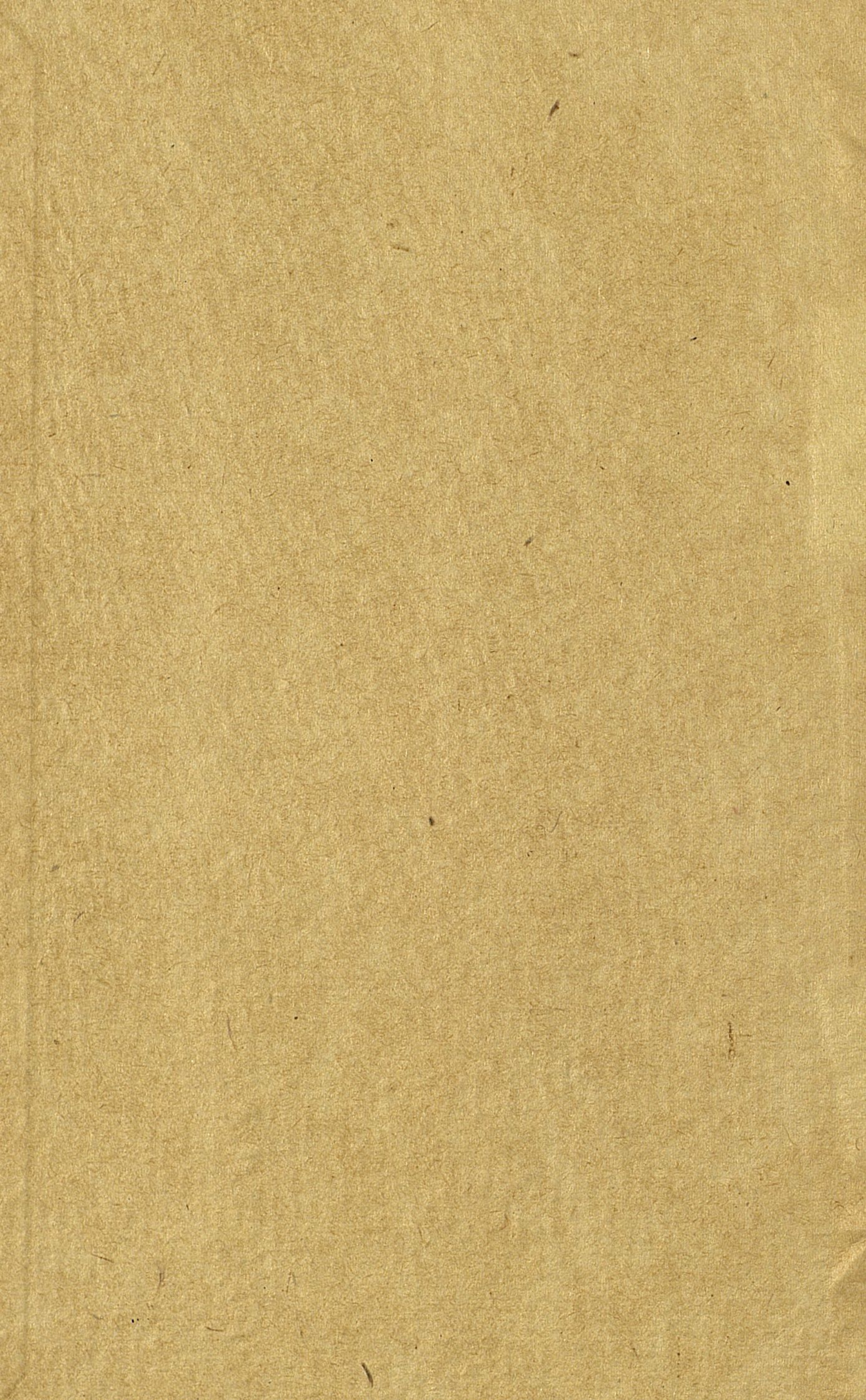
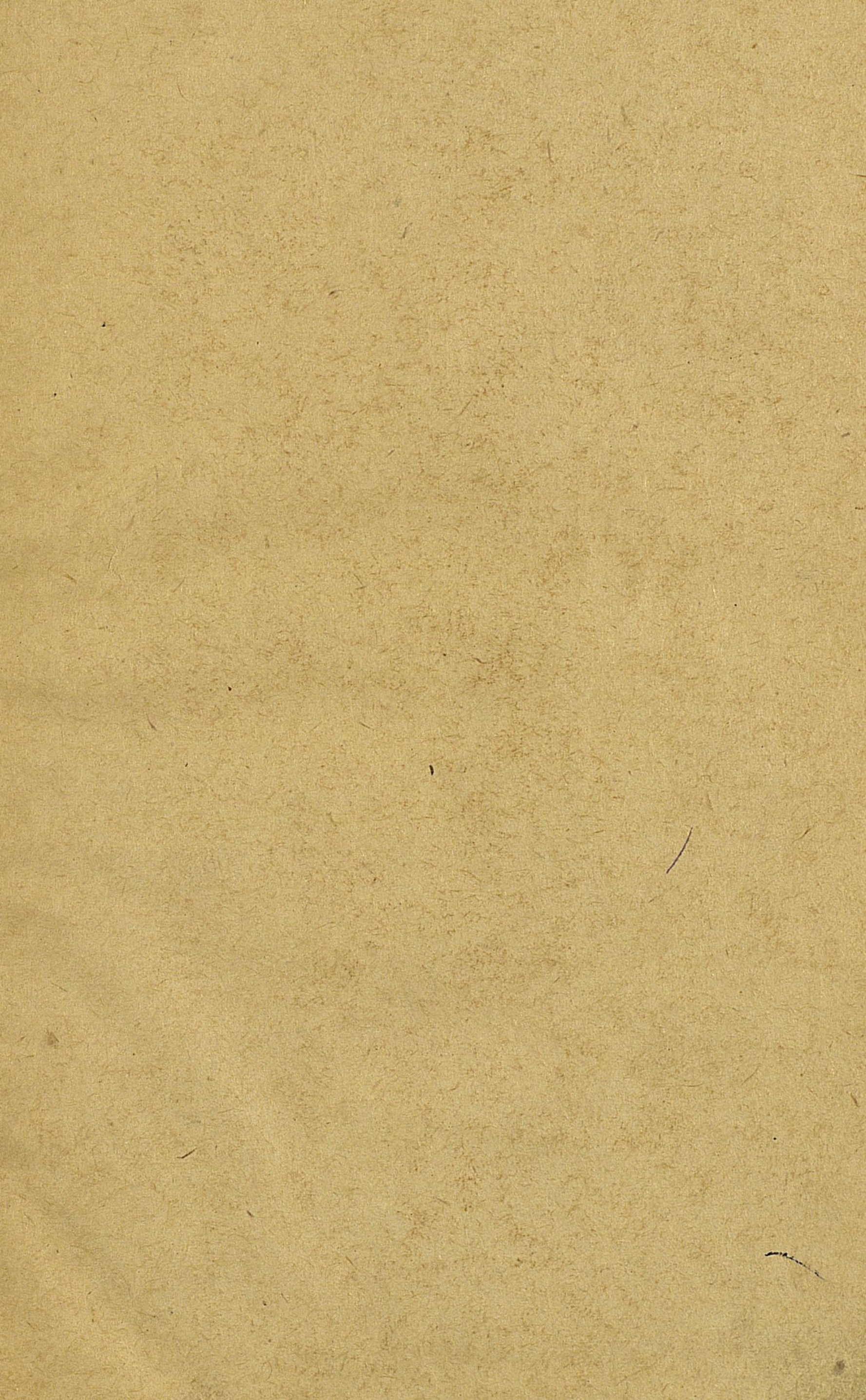

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ БАСЕНЪ КРЫЛОВА.

Вопросъ о педагогическомъ значеніи какого нибудь изъ отечественныхъ писателей, конечно, имѣетъ огромную важность; но до сихъ поръ на этотъ предметъ, какъ намъ кажется, почти совсѣмъ не обращали вниманія. Наши хрестоматіи составлялись на обумъ изъ однихъ и тѣхъ же отрывковъ, которые, по какому то темному преданію, признаны классическими. Въ нихъ вы почти всегда нашли бы извѣстное стихотвореніе Батюшкова, напр. «Умирающій Тассъ», — оду Державина: «Богъ» или «На смерть князя Мещерскаго» — извѣстныя произведенія Пушкина и Лермонтова, все больше описательнаго содержанія. Какъ прозаическіе, такъ и поэтическіе отрывки строго дѣлились на рубрики по родамъ и видамъ, при чемъ заботились не столько о достоинствѣ избранныхъ піэсъ, сколько о томъ, чтобы каждая рубрика была наполнена. Такъ находили у насъ небывалые образцы ораторскаго краснорѣчія, помѣщали философскія сочиненія въ родѣ разсужденій о счастливѣйшемъ времени жизни, — эпитафіи, надписи, въ родѣ какихъ нибудь пареній Рубана или комплиментовъ Пушкина Жуковскому. При выборѣ статеекъ иногда приноравливались не къ понятіямъ учащихся, а ко вкусу лицъ, которые могутъ одобрить книгу для употребленія въ какомъ нибудь заведеніи. Въ лучшихъ хрестоматіяхъ обращали вниманіе преимущественно на художественное значеніе отрывковъ, которые почти исключительно состояли изъ различнаго рода описаній. Но одна внѣшняя красота слога, конечно, не служитъ ручательствомъ того, что какое нибудь произведеніе доступно понятіямъ воспитанниковъ,

и по своему содержанію, можетъ наиболѣе содѣйствовать ихъ развитію. Кромѣ того, описанія природы, разныя идиллическія картинки, отрывочныя характеристики лицъ и мѣстностей оставляютъ въ воспитанникахъ очень скудное впечатлѣніе и скоро имъ наскучаютъ, потому что не удовлетворяютъ ни ихъ любознательности, ни фантазіи. Тутъ вниманіе постоянно утомлено поэтическими образами, которые имѣютъ свое значеніе въ связи съ цѣлымъ разсказомъ, а взятые отдѣльно, часто представляютъ однѣ мелкія черты, лишенныя единства. Нѣтъ сомнѣнія, что хрестоматіи, особенно назначенныя для чтенія въ первоначальномъ возрастѣ, должны заключать легкіе разсказы съ живымъ, драматическимъ характеромъ. Вопросъ о томъ, что можетъ быть занимательно для дѣтей, что нѣтъ, прежде всего необходимо рѣшить при составленіи хрестоматій.

Касательно Крылова, кажется, никто не выражалъ сомнѣнія, что его басни могутъ быть настольною дѣтскою книгой. Простота слога, живость и игривое остроуміе разсказа, художественная его отдѣлка, въ которой мы вмѣстѣ находимъ и краткость и законченность, наконецъ здравый смыслъ, которымъ проникнуты басни Крылова — все это качества, драгоцѣнныя въ педагогическомъ отношеніи. Но нельзя безусловно рѣшить, чтобы каждая его басня, взятая въ отдѣльности, въ одинаковой мѣрѣ удовлетворяла требованіямъ дѣтскаго возраста. Нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ сатиру, вовсе непонятную для дѣтей; другія, по узкости взгляда, могутъ дать ложное или одностороннее понятіе о предметѣ. Представляя частную мысль, извлеченную изъ частнаго случая, онѣ не всегда и не вездѣ могутъ достигнуть цѣли, для которой назначаются. Возьмемъ въ примѣръ нѣсколько басенъ изъ тѣхъ, которыя чаще всего встрѣчаются въ хрестоматіяхъ. Басня: «Ворона и Лисица» изображаетъ ловкость и изворотливость лисы, которая выманиваетъ сыръ у глупой вороны. Ея нравственная мысль — показать, какъ бываетъ наказанъ тотъ, кто поддается на льстивыя слова — урокъ, очень практическій и полезный неопытнымъ людямъ. Но съ другой стороны, искусство льстеца здѣсь представлено такъ игриво, что нисколько не видно гнусности лжи. Лисица чуть ли была не права, обманывая ворону, которой вся вина состоитъ въ одной ея глупости: плутовка забавляетъ васъ своею хитростью, и вы не чувствуете къ ней ни малѣйшаго презрѣнія. Здѣсь смѣхъ, возбуждаемый глупою вороною, въ иномъ случаѣ былъ бы не совсѣмъ нравственъ. Если надъ ней посмѣется ребенокъ, самъ на-

клонный ко лжи и лукавству, то цѣль басни врядъ ли будетъ достигнута. Въ народныхъ сказкахъ, лиса также является хитрымъ и умнымъ звѣремъ, но она торжествуетъ надъ грубою силою: сильные и кровожадные звѣри, волкъ и медвѣдь, много терпятъ отъ ея лукавства. Напротивъ когда она сманиваетъ пѣтушка, то вамъ жаль бѣдной жертвы, и вы желаете, чтобы котъ съ своими когтями поскорѣе поспѣлъ на выручку. Народная сказка вовсе не имѣетъ какой нибудь дидактической цѣли, и мы совсѣмъ не желаемъ, чтобы дѣтскіе разсказы отличались какою то отвлеченно-идеальной моралью; но при искреннемъ, наивномъ чувствѣ, которымъ проникнутъ разсказъ, нравственная мысль высказывается сама собою. Басня «Ларчикъ» служитъ поясненіемъ русской пословицы: «догадка лучше разума». Тутъ осмѣяно пустое мудрованіе, которымъ только запутываешь дѣло. Но форма басни можетъ ввести въ заблужденіе. Мудрецъ механикъ рвется, потѣетъ посреди всеобщаго смѣха и шутокъ: видно ужъ очень пустая наука — механика, когда чѣмъ больше ее знаешь, тѣмъ болѣе глупѣешь! Правда, какъ бы высоко ни стояла наука, она не производительна безъ живаго примѣненія къ дѣлу. Да развѣ ребенокъ можетъ это понять? Для него очень часто знаніе являетая чѣмъ то отвлеченнымъ отъ жизни; при самомъ лучшемъ преподаваніи вы не дадите тотчасъ почувствовать пользы всего, чему его учатъ. Между тѣмъ, при дурныхъ началахъ, усвоенныхъ въ дому, ему противно всякое усиліе надъ собою: онъ считалъ даже какою то удалью смѣяться надъ тѣми, которые усердно преданы труду, и съ особеннымъ злорадствомъ отыскиваетъ въ нихъ недостатки. Въ этомъ случаѣ вредна всякая шутка надъ наукою, въ какомъ бы видѣ эта наука ни являлась. Мы указали на одностороннее направленіе въ двухъ приведенныхъ нами басняхъ; если читать ихъ съ дѣтьми, то необходимо ихъ объяснить, какъ слѣдуетъ, потомъ, рядомъ съ ними, привести тѣ басни, гдѣ лицемѣріе лисы является со всѣми его злыми послѣдствіями, гдѣ наука защищена отъ невѣжественныхъ судей!

Басня «Котъ и Поваръ», очень живая по содержанію, заключаетъ въ себѣ мораль, назначенную совсѣмъ не для дѣтей. Здѣсь въ смѣшномъ видѣ представленъ поваръ, который хочетъ подѣйствовать убѣжденіями на блудливаго кота, стянувшаго курченка:

«А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,

Чтобъ словъ не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить» —

т. е. ему слѣдовало бы кота вытащить за уши изъ за боченка, да хорошенько выдрать розгами. Иначе этого нравоученія не могъ бы понять ребенокъ. Отъ кота не далекъ переходъ и къ людямъ. Но замѣтимъ, что грубое употребленіе власти и безъ того свойственно очень многимъ дѣтямъ: ихъ скорѣе надо учить, и словомъ и примѣромъ, какъ дѣйствовать терпѣливо, не силою рукъ, а силою убѣжденья. «Котъ Васька слушаетъ да ѣстъ». Забавно видѣть такое дѣйствіе добрыхъ словъ на животнаго; поваръ долженъ бы отнять краденый кусокъ, не ходить въ кабакъ изъ набожности, не довѣрять вору Васькѣ мяснаго. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, слова его имѣли бы силу. Взятыя сами по себѣ, эти слова прекрасны: поваръ хочетъ пристыдить плута, подѣйствовать на него общественнымъ судомъ, а не однимъ своимъ приговоромъ. Если вы можете все это растолковать ребенку, то читайте ему басню. Басня: «Тришкинъ кафтанъ» заключаетъ на видъ очень простой и забавный разсказъ. Тришка обрѣзываетъ рукава, чтобы заплатать локти, обрѣзываетъ фалды и полы, чтобы наставить рукава. Но если вы захотите объяснить, какъ слѣдуетъ, смыслъ этой басни, то вамъ придется обратиться къ предметамъ, выходящимъ изъ круга дѣтскихъ понятій. Дитя скорѣе пойметъ, что Тришка былъ очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ; примѣнивъ же басню къ дѣтскому быту, мы лишимъ ее сатирической силы. Въ піэсѣ: «Музыканты» сатира направлена противъ тѣхъ лицемѣрныхъ господъ, которые любятъ щеголять добродѣтелью, какъ моднымъ платьемъ. Мы видимъ изъ этого, что нельзя увлекаться простотою разсказа въ басняхъ Крылова: ихъ смыслъ не всегда такъ простъ, какъ кажется съ перваго разу.

Басня «Заяцъ на Ловлѣ» изображаетъ, какъ хвастунишка заяцъ доказалъ свое право на клочокъ медвѣжьяго ушка, сказавъ будто бы и онъ гонялъ звѣря изъ лѣсу.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Здѣсь нельзя искать какого нибудь нравственнаго смысла: разсказъ заключаетъ одну легкую шутку. Но какъ знать, какое впечатлѣніе онъ произведетъ на ребенка; чтобъ онъ не подумалъ, что на са-

момъ дѣлѣ выгодно хвастать, не худо бы въ дополненіе прочитать басню: «Лжецъ», гдѣ ложь и хвастовство представлены въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ. Но разсказъ о лжецѣ будетъ понятенъ лишь болѣе развитымъ дѣтямъ. Другаго рода недостатокъ замѣчаемъ въ такихъ басняхъ, какъ «Бочка». Пріятель ссудилъ откупщика на три дня бочкою; бочка настоялась виномъ, и потомъ, что только въ ней ни держали, все отзывалось виннымъ запахомъ. Отсюда нравоученье: «Отцы, берегитесь, чтобы съ юныхъ дней не напитать своихъ дѣтей вреднымъ ученьемъ». Если въ вышеприведенныхъ басняхъ нравственный смыслъ высказывается односторонне или неясно, то въ этой баснѣ онъ выраженъ очень сухо и ясно, безъ той игривой аллегоріи, которая можетъ нравиться дѣтямъ. Впрочемъ этотъ разсказъ и не назначенъ для дѣтей, также какъ и прекрасная басня. «Прихожанинъ», заключающая въ себѣ сатиру на литературныя партіи: по ея идеѣ и изложенію, она можетъ быть объяснена только учащимся болѣе зрѣлаго возраста. Еще мудренѣе такая аллегорія, какъ «Пушки и Паруса», гдѣ подъ пушками разумѣется военная сила, а подъ парусами—гражданскія власти. Тутъ высказана очень дѣльная мысль. Пушки напрасно хавлились передъ парусами: когда паруса разорвало, то корабль погибъ со всѣми своими боевыми снарядами. Но, безъ сомнѣнія, эту мысль можно объяснить воспитанникамъ только при извѣстной степени ихъ развитія. Есть наконецъ у Крылова басни,—выражающія мысль до того одностороннюю, что отъ нея нельзя ждать никакой пользы для молодаго ума. Разсказъ «Два голубя», превозноситъ въ поэтическихъ стихахъ спокойствіе и неподвижность. Голубокъ упрашиваетъ своего друга со слезами не летѣть въ даль:

«Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу».

Такимъ образомъ съ одной стороны сантиментальная нѣжность, съ другой суевѣріе должны удерживать пытливаго голубя на мѣстѣ. Но онъ полетѣлъ, чтобъ взглянуть на свѣтъ, и какихъ бѣдствій не обрушилось на его голову! Съ попорченнымъ крыломъ, съ вывихнутой ногой и съ разбитымъ вискомъ вернулся онъ домой совершеннымъ инвалидомъ. Такая мораль достойна нашей доброй старины, когда, заботясь о невозмутимомъ спокойствіи питомца, по выраженію Фонъ-Визина, не воспитывали, а питали. Въ заключеніе Крыловъ говоритъ:

«Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, или гдѣ живетъ вашъ другъ».

Все это очень возможно; но изъ этого не слѣдуетъ, что надо пугать воображенiе различными страхами, когда молодая душа жаждетъ дѣятельности и простора. Самъ же Крыловъ, въ другомъ случаѣ, доказывалъ, что рѣка сохраняетъ свѣжесть только движеньемъ. Въ заключенiе упомянемъ еще о басняхъ, взятыхъ изъ народнаго быта. Изъ нихъ «Демьянова уха» назначается преимущественно передъ другими для чтенiя въ самомъ низшемъ возрастѣ. Эта басня дѣйствительно отличается особенной бойкостью разсказа, живой драматической формою и народнымъ складомъ. Но что за мораль вынесетъ изъ нея ребенокъ? Онъ пойметъ одно: что нашъ народъ любитъ закармливать до послѣдняго истощенiя силъ, и Демьянъ своимъ угощенiемъ всегда способенъ выгнать гостя изъ дому. Гостепрiимство, эта патрiархальная черта, которая тамъ-сямъ еще сохраняется въ народѣ, здѣсь представлено въ его злоупотребленiи, въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Но какъ литературная сатира, непонятная для ребенка, басня получаетъ совсѣмъ другое значенiе. Тоже самое находимъ въ разсказахъ: «Два мужика» и «Три мужика». Въ одномъ изъ нихъ двое мужиковъ искалечили себя напившись пьяными; въ другомъ добрый молодецъ надуваетъ двухъ своихъ прiятелей, чтобы одному съѣсть щи и кашу. Вотъ, въ какомъ видѣ народъ является у Крылова! Если учащiйся остановится на этихъ понятiяхъ о народѣ, то врядъ ли онъ много выиграетъ въ своемъ развитiи.

Изъ предъидущаго видно, что во-первыхъ не всѣ басни Крылова могутъ быть назначены для дѣтскаго чтенiя,—что изъ тѣхъ, которыя имѣютъ какое нибудь воспитательное значенiе, необходимо сдѣлать выборъ, смотря по возрасту и развитiю учащихся. Мы считаемъ большою ошибкою, когда увлекаясь простотою формы, безъ разбора назначаютъ басни Крылова для изученiя въ низшихъ классахъ. Какiя же изъ нихъ наиболѣе соотвѣтствуютъ младшему возрасту? Мы не беремся рѣшать этого окончательно. Тутъ все зависитъ отъ искусства и опытности преподавателя и отъ цѣли, какую онъ себѣ предположитъ. По этому предмету мы только выскажемъ свои мнѣнiя, никакъ не считая ихъ непогрѣшительными. Мы думаемъ прежде всего, что нельзя начинать съ басенъ. Въ нихъ реальный мiръ уже под-

чиненъ поэтической фантазіи, которая въ образахъ звѣрей, представляетъ общечеловѣческіе или общественные пороки. Знакомство съ обыкновенною дѣйствительностію прежде всего необходимо дѣтямъ. Здоровый, живой взглядъ на природу служитъ лучшею основою для всѣхъ другихъ знаній; любознательность при объясненіи естественныхъ явленій удовлетворена не вымыслами, въ которыхъ болѣе или менѣе высказывается личный характеръ писателя, степень его образованія, его отношенія къ обществу и вѣку, а тѣми положительными предметами, которые ребенокъ постоянно видитъ передъ собою, знаетъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ произносить первое слово. Для того, напримѣръ, чтобы ему понять басню «Гуси», ему изъ жизни гусей довольно знать что ихъ ѣдятъ и гоняютъ; но сколько разныхъ тонкостей кромѣ этого долженъ онъ усвоить! Что такое базарный день и отчего мужикъ такъ много думалъ о барышахъ? Какъ могли гуси говорить? Развѣ они способны жаловаться на свою участь? Какая цѣль въ этомъ олицетвореніи? Какимъ образомъ гуси спасли Римъ? Какъ могло имъ придти въ голову, что они именно отъ тѣхъ гусей происходятъ? и проч. Басня «Гуси» превосходна по мысли, и ея нравственное значеніе несомнѣнно, когда совершенно оставите въ сторонѣ гусей, а будете имѣть въ виду только тѣхъ лицъ, которыхъ они изображаютъ; но чтобъ дѣти поняли вполнѣ сатиру, въ ней заключенную, имъ надо знать болѣе мудреныя, людскія отношенія, чѣмъ какія встрѣчаются въ естественномъ мірѣ. Въ другихъ басняхъ, какъ напр. Слонъ и Моська, Оселъ и Соловей, естественныя свойства звѣрей служатъ основаніемъ разсказа. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо сначала познакомиться съ природою. Впрочемъ мы не будемъ подробно распространяться о важности для дѣтей реальнаго знанія: объ этомъ предметѣ уже было говорено достаточно. Замѣтимъ только, какимъ образомъ отъ него можно бы незамѣтно перейти къ тому олицетворенію природы, какое мы находимъ въ баснѣ. Басня, по своему характеру, всегда принадлежитъ къ эпическимъ произведеніямъ, которыя болѣе или менѣе проникнуты народностью: и Крыловъ достигъ въ ней первенства особенно тѣмъ, что внесъ въ нее народное воззрѣніе на природу и народный складъ рѣчи. Этою простотою формы, какъ выраженіемъ русскаго духа, особенно и драгоцѣнны для дѣтей басни Крылова. Но то, что составляетъ главное ихъ достоинство, уже находимъ въ полной силѣ у народа, въ его наивномъ изображеніи животнаго

міра. Это изображеніе, какъ мы уже видѣли, прямо выходитъ изъ реальнаго взгляда на природу. Наши сказки служатъ лучшимъ поясненіемъ къ естественной исторіи звѣрей и вмѣстѣ переходомъ къ ихъ аллегорическому изображенію. Еще не чувствуя потребности въ общественной сатирѣ, народъ съ дѣтскимъ простодушіемъ рисуетъ вамъ природу во всѣхъ ея истинныхъ свойствахъ. Та степень развитія, на которой здѣсь стоитъ народъ, совершенно соотвѣтствуетъ наивному пониманію ребенка. Дитя точно также разговариваетъ со звѣрьками, видитъ въ ихъ дѣйствіяхъ разумный смыслъ и примѣняется къ ихъ привычкамъ: мы говоримъ о умныхъ и смышленныхъ дѣтяхъ, а не о тѣхъ, которые тиранятъ животныхъ для своей потѣхи. У ребенка есть даже свой языкъ, который болѣе похожъ на это неясное выраженіе ощущеній, чѣмъ на рѣчь взрослаго человѣка. Можетъ быть по причинѣ этой наивности чувства, животныя и бываютъ часто такъ сильно привязаны къ дѣтямъ. Народное понятіе о животномъ мірѣ, разумѣется, на столько выше, на сколько общій разумъ выше отдѣльнаго разума; но нѣтъ сомнѣнія, что въ простой сказкѣ о волкѣ и лисѣ, о котѣ и пѣтушкѣ дитя найдетъ для себя болѣе поучительнаго, чѣмъ во всѣхъ повѣстяхъ, назначенныхъ для дѣтскаго чтенія. Такимъ образомъ, начавъ разсказами о природѣ, можно бы перейти къ наивному ея изображенію въ сказкахъ, и потомъ уже къ болѣе трудному олицетворенію въ басняхъ. Чрезъ это сохранится постепенность при переходѣ отъ реальнаго міра къ идеальному, и данъ будетъ богатый и занимательный матеріалъ для разнообразныхъ *сравненій*, что также очень важно въ педагогикѣ. Мы не думаемъ распредѣлять этихъ различныхъ упражненій по возрастамъ: ихъ можно начинать разомъ въ послѣдовательности, указанной мною выше. Для этого вы избираете самые знакомые дѣтямъ предметы изъ міра животныхъ: овца и корова, собака и лисица, волкъ и медвѣдь, кошка, слонъ, обезьяна, кура, соловей, кукушка, щука, и т. д. Всего существеннѣе сначала объяснить свойства нѣсколькихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ дѣти могутъ сами наблюдать ежедневно. Не слѣдуетъ также съ самаго начала слишкомъ заботиться о системѣ, о раздѣленіи на классы, къ которымъ принадлежитъ то или другое животное, и объ исчисленіи свойствъ каждаго класса. Къ этому дѣти придутъ со временемъ, имѣя уже достаточно предметовъ для сравненія. Болѣе всего нужно обратить вниманіе на живость и занимательность разсказа. Не исчисляйте сухо всѣхъ признаковъ животнаго, а приведите побольше

яркихъ примѣровъ на то, какъ въ самой дѣйствительности животное пользуется тѣмъ или другимъ своимъ свойствомъ; говоря о чутьѣ собаки, разскажите не сказочные, а дѣйствительные случаи, гдѣ проявилось это чутье; дайте дѣтямъ понятіе о жизни и нравахъ лисы, волка, а не объ одномъ только устройствѣ ихъ зубовъ. Ожививъ въ дѣтскомъ воображеніи понятіе о лисѣ и волкѣ, вы передадите нѣсколько народныхъ сказокъ объ этихъ звѣряхъ, гдѣ ловкость одного и жадность другаго выставлены такъ типично. Послѣ этого двойную занимательность получитъ для дѣтей аллегорія, подобная той, какую находимъ въ басняхъ: «Лисица и Виноградъ», «Добрая Лиса», «Волкъ и Лисица», «Волкъ и Мышенокъ». Послѣ естественнаго описанія собаки представляется случай прочесть народную повѣсть о вѣрномъ псѣ, брошенномъ въ лѣсу, и наконецъ басню Крылова: «Двѣ собаки». Описавъ жизнь кошки, вы сообщите занимательныя похожденія кота съ бараномъ, по народнымъ разсказамъ, и хоть басню: «Кошка и Соловей». Вашъ разсказъ о щукѣ вы можете дополнить сказкою о Щукѣ зубастой, и баснею: Щука и Котъ, и проч. Слишкомъ долго и много нельзя упражняться въ подобныхъ сравненіяхъ; это стѣснило бы и въ выборѣ басенъ и въ выборѣ естественныхъ предметовъ для разсказа. Но мы привели одинъ родъ классныхъ занятій, съ котораго можно начинать. Тутъ будетъ существенная польза для воспитанниковъ, потому что имъ явятся въ гармоніи природа и человѣкъ — два міра, отъ раздѣленія которыхъ происходило много зла въ образованіи; отъ болѣе простыхъ и совершенно наглядныхъ предметовъ они незамѣтно перейдутъ къ болѣе сложнымъ и отвлеченнымъ: кромѣ того, они съ самаго начала усвоятъ живую, русскую рѣчь, ознакомятся съ ея свойствами какъ въ безъискуственномъ народномъ слогѣ, такъ и въ художественномъ изображеніи предмета. Усвоить духъ народнаго воззрѣнія на природу также не послѣднее дѣло: отъ этого много разовьется наблюдательность и неподдѣльная любовь къ природѣ, а съ нею будетъ поддержана и та простота чувства, которою мы такъ дорожимъ въ дѣтяхъ. Къ занятіямъ, нами сейчасъ приведеннымъ, конечно, не слѣдуетъ примѣшивать разныхъ логическихъ и грамматическихъ упражненій: нельзя преслѣдовать разомъ нѣсколько цѣлей; логика и грамматика въ этомъ случаѣ наведутъ страшную скуку, и главная цѣль не будетъ достигнута. Для постепенныхъ упражненій въ этихъ предметахъ можно назначить особое время, уже послѣ всѣхъ другихъ толкованій. Дитя и

въ приведенныхъ нами разсказахъ усвоиваетъ связь мыслей, узнаетъ языкъ; но покамѣсть это дѣлается чисто практически, безъ объясненія какихъ либо терминовъ.

Посмотримъ теперь, какія басни можно объяснять дѣтямъ въ первомъ возрастѣ (отъ 7 до 10 и 11 лѣтъ), независимо отъ этихъ упражненій. Тутъ, по нашему мнѣнію, полезнѣе всего избирать разсказы, изображающіе свойства дѣтей, съ самымъ простымъ примѣненіемъ къ людямъ. Таковъ разсказъ: «Мышь и Крыса», гдѣ на замѣчаніе мыши, что кошка попалась въ когти льву, крыса говоритъ: «льву не быть живому: сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Здѣсь я только совѣтовалъ бы выпустить послѣдніе объяснительные стихи, писанные не для дѣтей:

«Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на его
Весь свѣтъ глядитъ его глазами».

Объяснить басню можно гораздо занимательнѣе. Для этого могутъ послужить и народные разсказы, гдѣ Котофей Ивановичъ своею необычайностью пугаетъ самыхъ сильныхъ звѣрей: кабана, волка, медвѣдя, и въ тоже время самъ испуганъ хвостомъ зайца. Мы видимъ, какъ много животныхъ — все взятыхъ изъ нашей природы — здѣсь представляются для предварительнаго разсказа: мышь, крыса, заяцъ, волкъ, медвѣдь, кабанъ и котъ, а въ связи съ котомъ левъ, звѣрь изъ чуждаго намъ міра. Басня «Щука и Котъ» также проста и по разсказу и изложенію и по мысли. Здѣсь также слѣдуетъ выпустить растянутое нравоученіе, помѣщенное вначалѣ: «Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, и проч.» Оно тѣмъ болѣе излишне, что въ самой баснѣ снова нѣсколько разъ поясняется мысль: «Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу. . . . . не даромъ говорится, что дѣло мастера боится. . . и дѣльно! это щука, тебѣ наука». . . Дѣти обыкновенно любятъ приниматься за все, не соображаясь со своими способностями, и мысль басни прямо къ нимъ относится. Хорошо также дать имъ наглядное понятіе о пользѣ труда. Для этого можетъ служить басня: «Обезьяна», гдѣ выставлено, какъ мужикъ работалъ со своей сохой, а обезьяна, подражая ему, начала возиться съ чурбаномъ. Разсказъ объ обезьянахъ можетъ быть въ высшей степени занимательнымъ для дѣтей, и въ дополненіе къ нему легко прибрать нѣсколько басенъ Крылова, очень простыхъ

по содержанію. Но въ баснѣ, нами указанной, представляется случай изобразить въ живой картинѣ сельскій трудъ, дополнивъ это изображеніе нѣсколькими отрывками изъ народныхъ пѣсенъ и стихотвореній Кольцева. Что именно выбрать по этому предмету для дѣтей младшаго возраста, здѣсь рѣшать не мѣсто: этотъ вопросъ требуетъ особаго обсужденія. Неумѣнье приняться за дѣло, совершенный разладъ въ товариществѣ рисуютъ еще басни: «Квартетъ» и «Лебедь, Щука и Ракъ». Обѣ онѣ, при искусномъ объясненіи, будутъ понятны дѣтямъ. Въ первой нѣсколько затруднитъ только объясненіе музыкальныхъ терминовъ: квартетъ, басъ, альтъ, прима, втора; эта басня особенно имѣла бы живое примѣненіе, если бы въ школахъ учили пѣнію. Все таки дѣти вѣроятно видѣли какой нибудь концертъ, и, съ помощью картинокъ, имъ полезно дать хоть нѣкоторое понятіе о музыкальныхъ предметахъ. Вторая басня, по краткости и живости, еще болѣе соотвѣтствуетъ дѣтскому возрасту: она выставляетъ необходимость согласія въ дѣлѣ, начатомъ общими силами. Духъ товарищества въ извѣстной степени уже развивается между дѣтьми, и всегда полезно поддержать его. Въ обоихъ этихъ разсказахъ также выведено множество животныхъ, о которыхъ необходимо имѣть наглядное представленіе: безъ этого разсказъ былъ бы неясенъ. Неуклюжесть медвѣдя и простоватость козла очень живо изображены также въ народныхъ сказкахъ о лисѣ и котѣ. Соловей призванъ судьею въ спорѣ звѣрей о томъ, гдѣ сидѣть. Въ дополненіе къ естественному описанію соловья можно бы прочесть «Разсказъ дворового человѣка», Тургенева, гдѣ очень типично изображены музыкальныя способности этой птицы.

Наглядное знакомство со звѣрями необходимо также для басни: «Слонъ и Моська», которую очень удобно объяснить дѣтямъ. Она отличается довольно драматическимъ содержаніемъ: разговоръ Моськи съ Шафкою какъ нельзя болѣе оживляетъ сцену. Здѣсь мы находимъ очень полезную для дѣтей насмѣшку надъ глупою запальчивостію, хвастовствомъ и безстыднымъ самохвальствомъ. Замѣтимъ только, что Моську представить довольно легко, но значеніе басни очень измѣнится, смотря по тому, кого вы будете разумѣть подъ слономъ. Если тутъ представлять одну грубую, матеріальную силу то немного наставительнаго извлечете изъ басни. Къ лицемѣрію, во всѣхъ его видахъ, слѣдуетъ съ раннихъ лѣтъ внушить полное отвращеніе; съ наивной простотою оно уже осмѣяно въ баснѣ «Лисица и Виноградъ». Увѣрять, что вовсе не желаешь того, чего не

могъ достать, — уловка чисто дѣтская. Несравненно крупнѣе порокъ лицемѣрія выставленъ въ разсказѣ о доброй лисицѣ. Этотъ разсказъ полезенъ и тѣмъ, что знакомитъ дѣтей съ разнообразнымъ, птичьимъ міромъ: кукушка, жаворонокъ, горлинка, ласточка и соловей — вотъ сколько предметовъ для объясненій! Намъ могутъ замѣтить, что вторая изъ этихъ басенъ, по своей мысли, далека отъ простоты первой, что зло, въ ней выставленное, слишкомъ утонченно, и его знаніе, въ примѣненіи къ людямъ, предполагаетъ большой опытъ жизни. Но басню и не нужно объяснять въ той полнотѣ, въ какой она можетъ быть примѣнена къ жизни: разладъ слова съ дѣломъ находимъ въ значительной мѣрѣ уже въ дѣтскомъ быту, и противъ этого кореннаго зла слѣдуетъ болѣе всего вооружиться. Мы желали бы въ хорошей картинкѣ показать дѣтямъ мартышку передъ зеркаломъ прежде истолкованія басни: «Зеркало и Обезьяна». Чтеніе ея послѣ этого произвело бы полный эффектъ. Тутъ опять мы встрѣчаемся съ видомъ лицемѣрія, очень не рѣдкимъ уже въ молодомъ возрастѣ. Дѣти любятъ насмѣхаться надъ другими и осуждать, особенно за какіе нибудь внѣшніе недостатки, совершенно не сознавая ихъ въ самомъ себѣ: въ этомъ случаѣ мишенькинъ совѣтъ имѣетъ для нихъ большое значеніе. Примѣненіе ко взяткамъ, которое Крыловъ дѣлаетъ въ концѣ басни, еще не имѣетъ для дѣтей настоящей силы. Другой разсказъ: «Гребень», выражающій подобную же мысль, не такъ занимателенъ. Ребенокъ расчесываетъ гребешкомъ свои волнистыя кудри и вполнѣ имъ доволенъ, а какъ всклокочились волоса, то гребень ни взадъ ни впередъ, и мальчикъ въ досадѣ забросилъ его въ рѣку. Этотъ разсказъ, на видъ очень простой и прямо взятый изъ дѣтскаго быта, врядъ ли понравится дѣтямъ. Во первыхъ, его аллегорія довольно суха, и нравоученіе высказано слишкомъ прямо; во вторыхъ, дѣти именно не любятъ, когда, давая нравоученіе, ихъ же самихъ выводятъ на сцену; и при поясненіи другихъ басенъ надо быть очень осторожнымъ въ этомъ отношеніи: можетъ быть, главная причина неуспѣха дѣтскихъ повѣстей происходитъ отъ того, что онѣ начинаются неумѣстными объясненіями съ маленькими читателями. Простое чувство природы уже утверждается въ дѣтяхъ прямымъ знакомствомъ съ нею; къ его поддержанію могли бы служить и разсказы такого рода, какъ басня «Цвѣты», гдѣ очень рельефно выставлена разница между поддѣльными и живыми цвѣтами. Въ этомъ краснорѣчивомъ описаніи, намъ только не нравятся миѳологическія названія Юпитеръ, Зе-

весъ, требующія особыхъ толкованій: обращеніе тафтяныхъ цвѣтовъ съ мольбою къ Юпитеру здѣсь и искусственно и неумѣстно. Дѣлая свое дѣло, не труби о немъ всѣмъ въ уши и не хвастай: эта простая истина высказана не по дѣтски въ поученіи къ баснѣ «Двѣ бочки»; но сама басня отличается сжатостью и бойкостью разсказа, вполнѣ понятнаго каждому. Описаніе, какъ безъ шуму плетется бочка съ виномъ и громко скачетъ пустая, заключается въ коротенькихъ стихахъ, выражающихъ самое впечатлѣніе, производимое предметомъ. И такъ, любовь къ труду и ясное о немъ понятіе, ненависть ко всякой лжи и лицемѣрію, неподдѣльная простота чувства и неторопливость въ дѣлѣ начатомъ безъ фанфаронства, безъ желанія себя выказать — вотъ тѣ свойства, которыя въ легкихъ, игривыхъ образахъ должны уже съ самаго начала являться передъ глазами дѣтей, вмѣстѣ съ картинами зла, имъ противуположнаго. Пускай на видъ незначительный трудъ, маленькая, скромная доля не огорчаютъ ихъ и не возбуждаютъ въ нихъ презрѣнія: бумажный змѣй леталъ высоко, да на привязи, а мотылекъ жилъ себѣ свободно и не трещалъ по пустому. Эта басня, прочитанная кстати, при удобномъ случаѣ, можетъ пробудить хорошую мысль въ дѣтяхъ. Если они ясно поймутъ смыслъ вышеприведенныхъ нами разсказовъ, то имъ легко объяснить и аллегорію: «Муха и Пчела». Занимательный разсказъ о жизни пчелъ и о пользѣ, какая происходитъ отъ ихъ работъ, много будетъ содѣйствовать ея пониманью. Но здѣсь очень наглядно представлено и хвастовство мухи, которой въ городѣ знакомы дома всѣхъ вельможъ и богачей. Въ раннемъ возрастѣ еще не можетъ развиться того безстыднаго нахальства, какимъ хвалится муха, говоря: «Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое»; но дѣти живутъ не какой нибудь замкнутой жизнію: они черезъ чуръ внимательны къ тому, что дѣлаютъ старшіе, и постоянно ставятъ ихъ себѣ за образецъ. Можетъ быть, какой нибудь Фамусовъ-моралистъ и укажетъ имъ, какъ на примѣръ для подражанія, на удачу людей, въ каждое окно находящихъ себѣ дорогу. Надо и предупреждать зло, готовое развиться, особенно если этимъ зломъ въ сильной степени заражено общество. Въ указанной нами баснѣ, кого нибудь, пожалуй, приведутъ въ сомнѣніе слова мухи:

«Притомъ же, жалуя полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,

И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной».

Эти стихи, конечно, не много прибавляютъ къ характеру мухи; но выпускать ихъ мы не видимъ причины. Въ девять, десять лѣтъ, и мальчикъ, и дѣвочка очень хорошо знаютъ, что шейка и щечка могутъ нравиться; но не соединяютъ съ этимъ никакой дурной мысли. Дурныя мысли являются уже послѣ, и чаще всего тому виною дикая чопорность тупоумныхъ воспитателей или какихъ нибудь захирѣвшихъ, старыхъ дѣвъ, которыя берутъ на себя воспитаніе, не имѣя ни малѣйшаго понятія о родительскомъ чувствѣ: и тѣ и другіе въ каждомъ невинномъ поступкѣ дѣтей видятъ развратъ и уличаютъ ихъ въ постыдной наклонности къ грѣшку, о которомъ очень любятъ распространяться, можетъ быть, по самой невозможности иначе выразить къ нему сочувствіе. Въ параллель нахальной мухѣ можетъ идти маленькая Жужу, скромно стоящая на заднихъ лапкахъ. Раболѣпное шутовство комнатной собачонки и отличіе, которымъ она пользуется у барина, рядомъ съ страданіями вѣрнаго пса, барбоса — всѣ эти черты, метко схваченныя изъ жизни, въ баснѣ «Двѣ собаки», даютъ ей особенное значеніе. Выразить мысль понятнѣе и образнѣе невозможно; но при всей глубинѣ ея, она еще носитъ характеръ легкой, игривой шутки. Въ забавномъ сопоставленіи двухъ собакъ, находимъ очень поучительный урокъ молодому поколѣнію; пусть оно знаетъ, что не въ роскоши, и нѣгѣ, не въ какихъ нибудь внѣшнихъ отличіяхъ награда честному труду, — что вѣрный, лающій барбосъ, при всемъ его униженіи, одинъ заслуживаетъ полную любовь и почтеніе, какого вовѣки не достигнуть смирненькимъ болонкамъ.

Предоставляемъ преподавателю рѣшить, въ какой послѣдовательности читать тѣ басни, которыя мы привели и какія еще можно бы выбрать для первоначальнаго чтенія. Замѣтимъ, что полезно сравнивать между собою сходные по значенію разсказы и заставлять самихъ учащихся находить въ нихъ сходство и различіе. Разсказъ «Муравей», назначаемый нами для послѣдующаго возраста, можно сличить уже съ прочтеннымъ: «Моська и Слонъ»; «Квартетъ», «Щука и Котъ», «Лебедь, Щука и Ракъ» очень удобно сравниваются между собою; «Бочка», «Муха», «Змѣй и Мотылекъ» также идутъ для сравненія. Означимъ теперь, какія изъ басенъ могутъ быть прочитаны въ позднѣйшемъ возрастѣ, начиная съ 10 и 11 лѣтъ.

Здѣсь мы полагаемъ соблюсти нѣкоторую послѣдовательность въ переходѣ отъ разсказовъ, изображающихъ общіе пороки людей, къ разсказамъ, касающимся нашего общественнаго быта. Общественное начало въ воспитаніи имѣетъ огромное значеніе; но о немъ у насъ не слишкомъ то заботятся. У насъ набиваютъ голову свѣдѣніями, предписанными по программѣ, ревнуютъ о строгомъ выполненіи формъ и приличій, о составленіи особеннаго нравственнаго кодекса, который состоитъ въ запрещеніи думать и чувствовать. Правда, въ училищахъ есть различныя наказанія за проступки: сѣченіе розгами тоже существуетъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, предлагая воспитанникамъ отвратительную сцену живодерства и воплей. Но этими наказаніями караютъ преимущественно за нарушеніе школьной дисциплины: ихъ употребляютъ въ дѣло большею частію безъ всякаго педагогическаго смысла. Воспитатели и воспитательницы заботятся только о своемъ спокойствіи и наказываютъ зря, имѣя одну цѣль: водворить полную неподвижность и безмолвіе въ классѣ. Такимъ образомъ, дѣйствуютъ не убѣжденіемъ, а однимъ рабскимъ страхомъ. Вы услышите отъ такихъ лицъ постоянныя жалобы, что наказанія недостаточны, что ихъ слѣдовало бы усилить — и пользу сѣченія можетъ не признавать только тотъ, кто самъ не управлялъ классомъ. Впрочемъ и безъ него умѣютъ придумать всевозможныя, нравственныя истязанія, которыми преслѣдуютъ дѣтей иногда чуть не до чахотки. На это дѣло особенно искуссны въ женскихъ заведеніяхъ. Случается и такъ, что нелѣпыми поступками, мелкимъ придирчивымъ самолюбіемъ, собственною, ядовитою злостью раздражаютъ учащихся, оскорбляя въ нихъ всякое благородное чувство, и потомъ, произведя въ классѣ совершенную неурядицу, наказываютъ гуртомъ, кого ни попало: въ этомъ случаѣ самые лучшіе ученики и ученицы всегда наиболѣе страдаютъ. Между тѣмъ сколько наказаній можно бы избѣгнуть, если бы воспитатели принялись дружно и съ любовью развивать въ учащихся чувство чести и долга. Быть знающимъ чиновникомъ, или даже вообще знающимъ человѣкомъ еще не значитъ быть добрымъ гражданиномъ; усвоить однѣ тонкости свѣтскаго приличія, или, что еще хуже, одну чопорную нетерпимость въ сужденіяхъ, вмѣстѣ съ готовностью ко всякому самоуниженью, еще не значитъ приготовить себя къ обязанностямъ матери и воспитательницы. Развитіе добраго гражданскаго чувства служитъ основаніемъ многихъ добродѣтелей, какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ. Школа уже пред-

ставляетъ общество, маленькій міръ, гдѣ встрѣчаемъ въ небольшихъ размѣрахъ недостатки большого свѣта. Кто уже здѣсь презираетъ своего собрата, котораго родители ниже по значенію и чину, низкопоклонствомъ добивается отличій у старшихъ, клевещетъ, лжетъ и притѣсняетъ, гдѣ это возможно, — тотъ и въ жизни будетъ деспотомъ и лицемѣромъ. Отъ добраго вліянія преподавателей много зависитъ искорененіе этого зла, и преподаватели русскаго языка и словесности примутъ здѣсь не послѣднее участіе. Но чѣмъ обыкновенно лучшіе изъ нихъ занимаются? Все ихъ дѣло ограничивается развитіемъ эстетическаго чувства, или, лучше сказать, выраженіемъ упоительныхъ восторговъ при видѣ красотъ природы и при разборѣ красотъ разныхъ поэтическихъ созданій, часто не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ окружающей жизни. Но говорятъ, что и не слѣдуетъ обращаться къ жизни, а нужно вообще указывать на идеалы благородства, чести, доблести, и проч. Вотъ, подобные идеалы, безъ всякаго примѣненія къ дѣйствительности, и остаются голымъ призракомъ: люди отлично съ ними уживаются, будучи на дѣлѣ продавцами собственной совѣсти. Мы скорѣе обратимся къ тѣмъ писателямъ, которые, изображая общество, нашими же недостатками учатъ насъ, что дѣлать и чего не дѣлать. Крыловъ въ этомъ отношеніи очень полезенъ для молодаго возраста по легкости и простотѣ своей сатиры. Но необходимо дать нѣсколько созрѣть учащимся, прежде чѣмъ читать съ ними басни, изображающія общественные недостатки: иначе, усвоивъ одну форму, очень легкую для изученія, они не поймутъ, какъ слѣдуетъ, содержанія.

Мы и здѣсь начнемъ общими баснями, которыя нѣсколько труднѣе по содержанію. Басня: «Любопытный» даетъ случай объяснить что такое кунсткамера, музей естестественной исторіи. Всего естественнѣе показать бы это дѣтямъ на дѣлѣ: но къ нашему стыду, у насъ, даже въ столицахъ, нѣтъ музеевъ, которые бы во всякое время и безъ всякихъ затрудненій были открыты учащимся, а ихъ необходимо имѣть по нѣскольку и въ городахъ второстепенныхъ: тутъ дѣти знакомятся съ природою, усвоиваютъ систему естественныхъ наукъ безъ всякихъ усилій, среди занимательной прогулки. Чтобы дать понять басню, необходимо сказать, что слонъ, дѣйствительно громадный, стоитъ, въ Петербургской кунсткамерѣ, въ особой комнатѣ, которую разсѣянный посѣтитель легко можетъ обойти. «Слона то я и не примѣтилъ» относится къ людямъ, которые, увлекаясь мелочами, пропускаютъ безъ вниманія важные предметы.

У дѣтей это бываетъ очень часто по непривычкѣ сосредоточивать вниманіе на главномъ предметѣ. Но предметы, поражающіе величиною, всегда ихъ привлекаютъ: имъ скорѣе надобно объяснить, что въ природѣ какая нибудь букашка, мошка, важны не менѣе слона, что слонъ, въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему басня, можетъ заключаться въ предметахъ, самыхъ незначительныхъ по виду. Вмѣстѣ съ истиннымъ знаніемъ вещей необходимо пріучаться и къ самостоятельному ихъ пониманью, къ самостоятельному труду. Бойко разсказанная басня «Обезьяны» показываетъ, какъ вредно безтолковое подражаніе. Переимчивость обезьянъ здѣсь выставлена очень живо: онѣ украдкою смотрятъ, какъ ловецъ катается въ сѣтяхъ и любуются его затѣями. Красавицы сестрицы, только онъ ушелъ, «ну кувыркаться, кататься, и кутаться и завиваться, кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!» Послѣдствіемъ было то, что всѣ онѣ попали въ сѣть. Но не въ одномъ этомъ заключается вредъ тупой переимчивости: важнѣе указать, что, подражая безъ смысла, мы никогда не выполнимъ дѣла какъ слѣдуетъ, а только его испортимъ. Эту басню можно сравнить съ другою: «Обезьяна», на которую мы уже указали прежде. Поддерживая товарищество, мы еще прочтемъ басню: «Собачья дружба». Въ извѣстномъ возрастѣ между дѣтьми завязываются именно тѣ сентиментальныя отношенія дружбы, какія описаны въ баснѣ, и вмѣстѣ съ ними начинаетъ дѣйствовать болѣе утонченный эгоизмъ, по которому уже прямо не требуютъ для себя чужаго труда и другихъ преимуществъ, а вездѣ доказываютъ свое право. Разоблачать это маленькое лицемѣріе всегда не безполезно, и особенно въ дѣлѣ дружбы и взаимной помощи необходимы прямота и искренность отношеній: съ самаго начала дѣти должны понять, что одна чувствительность не доказываетъ любви, что ее можно доказать, только жертвуя своимъ эгоизмомъ. Басня тѣмъ и хороша, что выводитъ на чистую воду этихъ друзей, очень нѣжныхъ на видъ, но грызущихся изъ за одной кости. Неудачная услуга дружбы, изображенная въ разсказѣ: «Пустынникъ и Медвѣдь», также можетъ идти въ сравненіе. Болѣе глубокій смыслъ заключается въ такихъ басняхъ, какъ «Свинья подъ дубомъ». Обнажить всю грубость и глупость невѣжества, чтобы поселить любовь къ наукѣ, составляетъ прямое призваніе наставника. Образъ свиньи у Крылова превосходенъ: она наѣлась до отвала, выспалась и потомъ стала подрывать рыломъ корни у дуба, желуди котораго ѣла: «лишь были бъ желуди, вѣдь я отъ нихъ

жирѣю». Пусть отвращеніе къ этому образу глубоко проникнетъ въ душу дѣтей, чтобъ они и потомъ, когда придется дѣйствовать въ болѣе широкомъ кругу, крѣпко стояли за образованіе. Но иногда уже въ школѣ басня получаетъ живое примѣненіе; къ сожалѣнію, есть такіе воспитатели и воспитательницы, которые живутъ на счетъ образованія и между тѣмъ ненавидятъ ревность къ нему учащихся, говоря: «вы поглупѣете съ вашими книгами. . . . къ чему вамъ еще читать? учите наизустъ уроки и — довольно: и Пушкинъ, и Тургеневъ только развращаютъ». Рядомъ со свиньею, которая ѣстъ жолуди, можетъ стать мартышка, примѣряющая очки:

«То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ».

Но очки все не дѣйствовали, и наконецъ мартышка

«О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали».

Тутъ вмѣстѣ съ переимчивостью и раздражительностью обезьяны живо рисуется и характеръ невѣжды, не понимающаго пользы отъ науки. Наконецъ еще ярче и полнѣе выставлена самоувѣренная глупость въ разсказѣ: «Оселъ и Соловей». Вотъ цѣлыхъ три басни, гдѣ свинья, мартышка и оселъ составляютъ одно избранное общество, въ которомъ сошлись какъ нельзя дружнѣе животная грубость, дикая злость и глубокомысленная тупость. Къ этому хору можно прибавить развѣ того барина, который говорилъ про своихъ пѣвцовъ:

«Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ —
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ».

Утвердивъ въ понятіи дѣтей ту истину, что образованіе есть одно изъ первыхъ благъ, полезно еще прочесть имъ басню: «Прудъ и Рѣка». Не въ покоѣ заключается счастіе жизни, а въ вѣчной полезной дѣятельности; не философствовать сквозь сонъ призванъ человѣкъ, а вѣчно двигаться впередъ, подымая какъ рѣка, всякую тягость: для души нужно движенье, чтобъ она не покрылась плѣсенью. И такъ, ни въ какомъ случаѣ не должно бояться ума, хотя бы онъ былъ очень остеръ, живъ и рѣзокъ. Эта мысль, высказанная совершенно наглядно въ прекрасной баснѣ: «Бритвы» послужитъ наставленіемъ уже болѣе развитымъ дѣтямъ. «Вѣдь у тебя

не бритвы — косари» говоритъ Крыловъ пріятелю, который, брѣясь, страшно охалъ и морщился передъ зеркаломъ. «Да острыми то я обрѣзаться боюсь» отвѣчалъ тотъ съ наивностью. Впрочемъ надо отдать справедливость молодому возрасту, что въ школѣ между товарищами умъ почти всегда почтенъ, и нѣтъ этой нѣжной привязанности къ тупости.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣтская простота отношеній исчезаетъ между учащимися, и каждый изъ нихъ начинаетъ сознавать свое общественное положеніе, когда и родители уже начинаютъ толковать имъ о выборѣ будущаго поприща, являются въ нихъ новыя чувства и понятія, на которыхъ они основываютъ всѣ свои поступки, Тутъ предстоитъ много опасности еще неокрѣпшему характеру. чтобы не увлечься внѣшнимъ блескомъ, не сдѣлаться высокомѣрнымъ вслѣдствіе ложнаго понятія о достоинствѣ, не очерствѣть сердцемъ въ поклоненіи пустому идолу, котораго жрецы, жертвуя однимъ ѳиміамомъ, порядкомъ набиваютъ себѣ карманы. Случается, что и родители съ раннихъ лѣтъ внушаютъ дѣтямъ, что, по своему происхожденію, они выше обыкновенныхъ смертныхъ и должны держать себя гордо и неприступно. Такое мнѣніе о себѣ сильно вредитъ учащемуся въ кругу товарищей, и въ школѣ съ него скоро сбиваютъ неумѣстную гордость. Но къ сожалѣнію въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ сами воспитатели до малѣйшихъ тонкостей поддерживаютъ сословныя отличія. Есть женскія училища, гдѣ воспитанницы дѣлятся на двѣ половины, и тѣ, которыя познатнѣе и побогаче, отзываются съ презрѣніемъ о прочихъ, считая ихъ никакъ не достойными своего сообщества. Воспитательницы съ своей стороны всѣми средствами поддерживаютъ это отчужденіе, гордясь тѣмъ, что въ ихъ училищѣ соблюдается во всемъ образцовое приличіе; даже въ одномъ классѣ дѣвицы сидятъ на разныхъ скамейкахъ. При такомъ порядкѣ нечего удивляться, если слишкомъ рано развращается молодое сердце, и изъ человѣка становится или автоматъ, въ которомъ нѣтъ ни мысли, ни самостоятельнаго движенія, или холодный эгоистъ, вымѣряющій по вѣсу золота каждую степень привязанности къ людямъ. Противъ этой ложной гордости и чванства направлены многія басни Крылова. Тутъ «Гуси» требуютъ себѣ особеннаго предпочтенія, потому что ихъ предки спасли Римъ, а неучь мужикъ погоняетъ ихъ хворостиной. «А вы друзья лишь годны на жаркое». Такой приговоръ, конечно, можетъ поубавить высокомѣрія въ тѣхъ хвастунишкахъ, которые вздумали бы ничего не дѣ-

лать, надѣясь на Римское спасеніе. Пусть имъ послужитъ наукой также исторія осла, вымолившаго себѣ высокій ростъ. Распугавъ сначала весь лѣсъ своимъ дикимъ голосомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что пошелъ глупостью въ пословицу—и на немъ стали возить воду. Неудобство незаслуженныхъ отличій прекрасно выведено и въ другой баснѣ объ ослѣ. Когда ослу повѣсили на шею звонокъ, какихъ бѣдъ онъ не натерпѣлся!

«А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока».

Эти явственные примѣры хоть кого отъучили бы играть звонками. Но кромѣ общественнаго позора, какой ждетъ людей, добивающихся отличій не по заслугамъ, можетъ остановить слишкомъ наклонныхъ къ искательству и боязнь той отвѣтственности, какая на нихъ падаетъ вмѣстѣ съ высокимъ положеніемъ.

«Чистъ быть долженъ тотъ, кто туда входитъ,
Куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ».

Къ этимъ словамъ Кантемира можно прибавить: не только чистъ, но и очень уменъ и опытенъ. Цѣлый рядъ басенъ Крылова выставляетъ, какъ глупые судьи и воеводы бываютъ обмануты, покровительствуя злу противъ своего желанія. На первый разъ довольно прочесть разсказъ: «Слонъ на воеводствѣ», чтобы показать, какъ самая доброта глупца отнимаетъ у каждой овцы по шкуркѣ. Въ дополненіе ко всѣмъ предъидущимъ разсказамъ можетъ служить еще басня: «Кукушка и Орелъ», гдѣ кукушка, произведенная орломъ въ соловьи, возбуждаетъ всеобщій смѣхъ своимъ пѣніемъ. Цѣль этихъ басенъ дѣйствовать противъ того грубаго тщеславія, которое въ молодомъ возрастѣ искажаетъ всякую простоту сердца и останавливаетъ развитіе умственныхъ способностей. Поддерживая благородную гордость, воспитатель долженъ осуждать всякій духъ высокомѣрія въ отношеніяхъ учащихся между собою, напоминая съ одной стороны муравья, который дивилъ силою только свой муравейникъ, съ другой комара, отомстившаго и льву за презрѣнье. Чтобы никакая доля не казалась ничтожною объяснимъ хорошенько басню «Орелъ и Пчела». Орлу казалась очень жалка участь пчелы:

«Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?..,
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!»

Онъ хвалился тѣмъ, что, носясь подъ облаками, на всѣхъ наводитъ страхъ: и пастухи, его завидя, трепещутъ за свои стада, и быстрыя лани не смѣютъ показаться на поляхъ. Пчела не завидуетъ такому преимуществу; ей дорого только свое скромное участіе въ общемъ трудѣ:

«Но утѣшаюсь тѣмъ, на *наши* смотря соты,
Что въ нихъ и моего *хоть капля* меду есть».

Если вы хотите воспитать вполнѣ человѣка, то болѣе всего пробудите въ немъ чувства любви и братства. Но эта любовь не должна быть однимъ нѣжнымъ томленіемъ сердца, жаднаго наслажденій,—мечтательностью, которая успокоиваетъ человѣка въ розовыхъ грезахъ посреди вовсе не розовой дѣйствительности. Эта любовь не есть праздность, идеальный бредъ, эгоистическое самоуслажденье. Ей необходимо быть дѣятельною, обращенною не къ облакамъ, а къ жизни. Пусть она много прощаетъ, но не можетъ стерпѣть прямаго зла, и мы не вѣримъ, чтобы любящая душа могла мириться со всякою гадостью на свѣтѣ, признавая ее неизбѣжною. То, что называютъ мирнымъ, уживчивымъ характеромъ, представляетъ часто совершенную безхарактерность. Эта всегдашняя мягкость, покорность, апатичное смиреніе бываютъ нерѣдко самымъ грустнымъ явленіемъ въ молодомъ возрастѣ. Соглашаясь съ подобною мыслію, многіе одобряютъ золотую средину, при которой можно и сохранить свое достоинство, и ужиться со всѣми; эта средина тоже не всегда ладитъ съ долгомъ и нравственностью. Но пускай сама жизнь учитъ гнуть такъ и сякъ свой характеръ: дѣло воспитателя только сказать прямо, что хорошо, что дурно. Развивая всѣми отъ него зависящими средствами любовь къ добру, онъ не можетъ не внушить сильнѣйшаго отвращенія ко всякому насилію, угнетенію, обману, несправедливости. Нашъ Крыловъ въ этомъ случаѣ является отличнымъ педагогомъ. Вся гнусность грубаго насилія, соединеннаго съ лицемѣріемъ и обманомъ, является у него въ басняхъ: «Волкъ и Ягненокъ, Волкъ и Кукушка, Волкъ и Котъ, Кошка и Соловей, Соловьи». Безчестная, воровская натура живо представлена въ разсказѣ: «Крестьянинъ и Лисица». «Крестьянинъ и Овца, Щука, Левъ, Рыбьи Пляски» изображаютъ разнаго рода судей и оскорбленіе правды. «Миронъ» является живымъ комментаріемъ на басню: «Добрая Лиса». «Совѣтъ Мышей и Мірская сходка» показываютъ полное уничтоженіе общественнаго начала.

Всѣ эти злоупотребленія выведены въ яркихъ образахъ, и знаніе подобной лжи будетъ служить хорошимъ урокомъ для юности, прежде чѣмъ свѣтъ раскинетъ ей свою хитрую сѣть, изъ которой трудно выпутаться съ запасомъ однихъ идеальныхъ стремленій. Зачѣмъ же охлаждать молодое сердце всѣмъ этимъ грустнымъ реализмомъ? Зачѣмъ предупреждать опытъ, и безъ того грубый и тяжелый? Замѣтимъ, что аллегорическій покровъ басни много смягчаетъ эту грубость опыта: тѣмъ, что невыносимо видѣть въ людяхъ, мы забавляемся въ звѣряхъ. Басня не представляетъ зла со всѣми его отвратительными подробностями, а только въ игривой шуткѣ на него указываетъ. Чѣмъ игривѣе ея сатирическій намекъ, тѣмъ ярче выступаетъ мысль,—и левъ, заставляющій въ своихъ когтяхъ пѣть, не только безпощадный каратель, но и милый остроумецъ. Смѣхъ сглаживаетъ жесткость впечатлѣнія. Вотъ преимущество басни, по которому ее можно читать въ самомъ молодомъ возрастѣ, какъ бы ни было тяжко зло, въ ней выставленное. Дѣти не поймутъ вполнѣ ея смысла; но всетаки будутъ забавляться аллегоріею и сдѣлаютъ изъ нея какое нибудь примѣненіе: какъ ни были бы они невинны, они все таки знаютъ, что волкъ ѣстъ овецъ и кошка душитъ птичекъ. Что касается вопроса, нужно ли охлаждать молодое сердце, то онъ, кажется, рѣшается самъ собою. Нужно не охлаждать а всѣми силами поддержать душевный жаръ и вѣру въ прекрасное: только надо знать средства, гдѣ и какъ это дѣлать. Надо помнить, что зло вмѣстѣ съ развитіемъ закрадывается въ душу дѣтей черезъ вліяніе общества и самой школы. Особенно въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ естественнѣе всего было бы предполагать чистѣйшую непорочность, учащіеся слишкомъ далеки отъ этого идеала. Оторванные отъ семьи, которая даже, при вредномъ своемъ вліяніи, приготовляетъ человѣка хоть къ борьбѣ съ жизнію, боязливые, загнанные дисциплиной, которая, при отсутствіи самыхъ простыхъ педагогическихъ пріемовъ тяготитъ надъ ними выше всякой мѣры, они скрываютъ и копятъ въ себѣ зародыши многихъ пороковъ, невозможныхъ при другой обстановкѣ. Ожесточеніе сердца, стѣсненнаго во всякомъ естественномъ движеніи, неподвижность мысли, запертой въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругу безплодныхъ фантазій, чрезвычайно вредно дѣйствуютъ на характеръ. Тутъ среди вѣчнаго, однообразнаго сидѣнія въ классѣ, въ нестерпимой тоскѣ, какую рождаетъ недружелюбный надзоръ лицъ, скучающихъ своимъ званіемъ, развиваются многія дурныя наклонности: лицемѣріе, ложь,

обманъ становятся потребностью, обыкновеннымъ развлеченіемъ; всякая мелкая дрязга и сплетня въ этомъ замкнутомъ мірѣ разрастается въ огромное событіе. При такомъ положеніи, очень неумѣстно было бы развивать и безъ того вѣчно раздраженную фантазію или слишкомъ опасаться, чтобы раскрытіемъ зла не охладить души. Грубый реализмъ, приправленный сантиментальностью, несравненно хуже явнаго и простаго реализма обыденной жизни. Напротивъ, знаніе дѣйствительныхъ отношеній между людьми, здоровая сатира, обнажающая скрытое зло, могутъ хоть сколько нибудь расчистить этотъ спертый воздухъ. Ѣдкая насмѣшка надъ зломъ всегда ободритъ и оживитъ падающій характеръ. Молодому, благородному сердцу будетъ уже большимъ утѣшеніемъ то, что зло заслуживаетъ полное презрѣніе, если не въ дѣйствительности, такъ въ баснѣ.

Въ заключеніе мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ объяснять басни Крылова. Предварительное знакомство съ естественнымъ міромъ, какъ мы видѣли, много оживитъ и облегчитъ ихъ пониманіе. Мы осуждаемъ тотъ способъ, по которому, начавъ читать басню, останавливаются надъ каждымъ словомъ и начинаютъ толковать его смыслъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дойдутъ до половины басни, все впечатлѣніе будетъ потеряно, и учащіеся почувствуютъ нестерпимую скуку. У многихъ педагоговъ есть привычка требовать опредѣленія даже такихъ словъ, которыя сами по себѣ яснѣе всякаго опредѣленія. «Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище»; что такое «сказываютъ»? что такое «пѣть»? что такое «мастерище»? Необходимо сначала разсказами, вопросами приготовить къ пониманію того, что содержится въ баснѣ, а потомъ прочесть ее цѣликомъ, безъ всякихъ объясненій. Отдѣльный разборъ будетъ имѣть свой смыслъ только тогда, когда учащіеся въ общихъ чертахъ поймутъ содержаніе. Преподавателю предстоитъ большая трудность въ примѣненіи басеннаго разсказа къ жизни и понятіямъ дѣтей. На первый разъ лучше выбрать самое общее примѣненіе, необходимое только для поясненія аллегоріи, а потомъ, когда смыслъ басни будетъ понятъ, задать лучшимъ изъ воспитанниковъ объяснить ее по своему, съ тѣми примѣненіями, какія они найдутъ въ кругу своей жизни и понятій. Разумѣется, успѣхъ подобныхъ задачъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если преподаватель пользуется полною довѣренностью и любовью со стороны учащихся. Раскрывать свой маленькій душевный міръ они

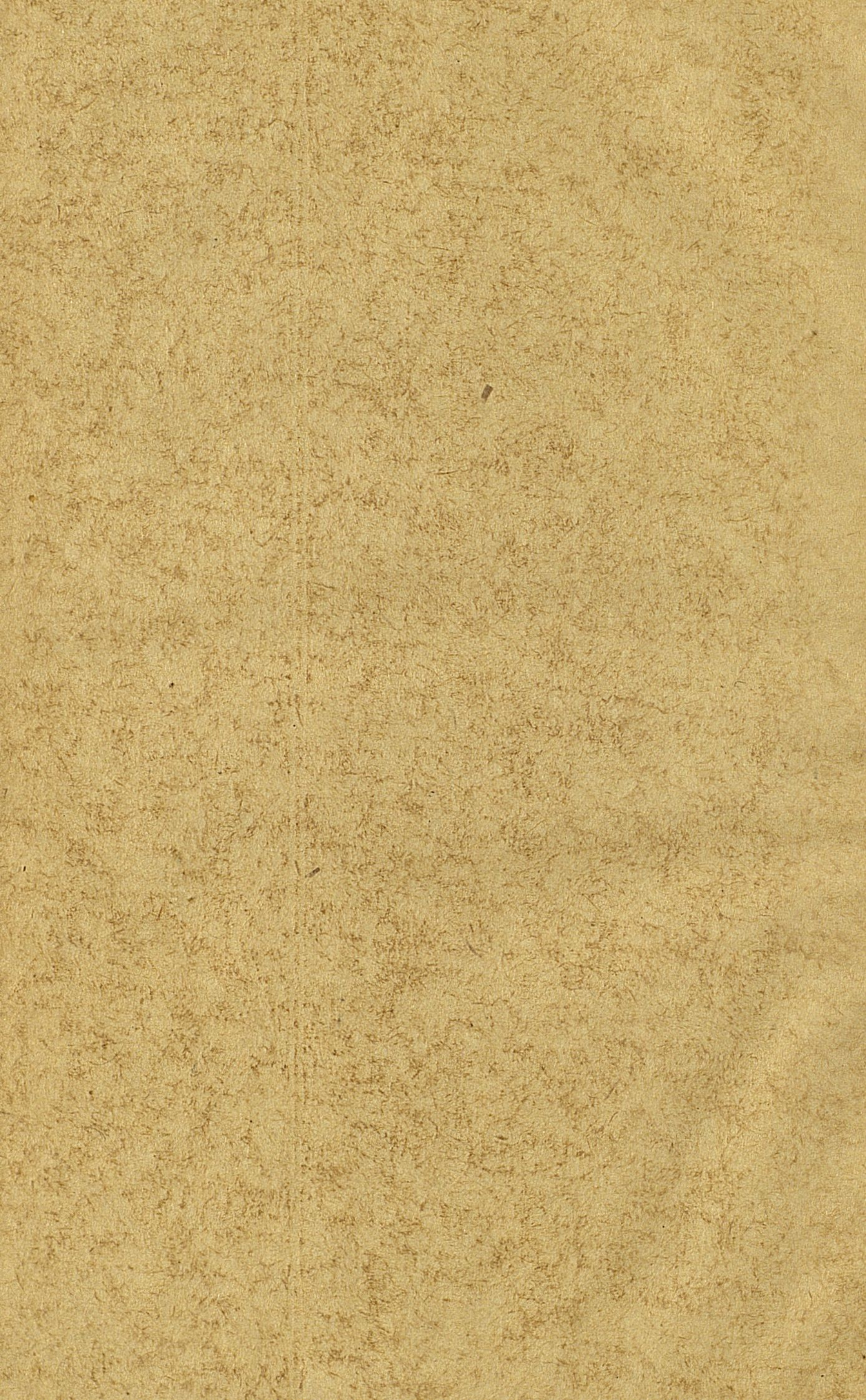
могутъ только друзьямъ, а никакъ не лающимъ церберамъ въ образѣ педагога. Между тѣмъ преподаватель этимъ средствомъ найдетъ богатый матеріалъ для собственныхъ толкованій.

Замѣтимъ еще, что для поясненія басенъ Крылова необходимо хорошее собраніе картинъ. Здѣсь полезны и картины, изображающія содержаніе той или другой басни: такъ (въ «Квартетѣ») забавно видѣть мартышку, осла, козла и медвѣдя съ музыкальными инструментами, моську въ борьбѣ со слономъ, обезьяну передъ зеркаломъ; лебедя, щуку и рака, тянущихъ поклажу, и проч. Но такого рода изображенія, необходимыя для нѣкоторыхъ разсказовъ, въ другихъ случаяхъ очень мало служатъ цѣли, потому что представляютъ звѣрей въ каррикатурномъ видѣ. Гораздо важнѣе картины, представляющія разныхъ животныхъ съ естественною обстановкою ихъ быта: кошку, когда она крадется за мышью, или птичкой; льва посреди той природы, гдѣ онъ живетъ; лисицу, волка, когда они ищутъ добычи или убѣгаютъ отъ охотниковъ, и т. п. Къ этому необходимо присоединить и другаго рода изображенія, знакомящія съ разными предметами жизни, какъ напр. снасти, невода, силки, земледѣльческія орудія, пчелиныя соты, стрижка шерсти и ея употребленіе, и проч. Басня, послѣ подобныхъ объясненій, не останется жалкимъ средствомъ къ отягощенію памяти или къ изнуренію мозга разными схоластическими тонкостями по части логики, грамматики и риторики, а будетъ занимательнымъ разсказомъ, который придастъ новую жизнь предметамъ дѣйствительнаго міра, уже прежде увлекшимъ вниманіе воспитанниковъ.

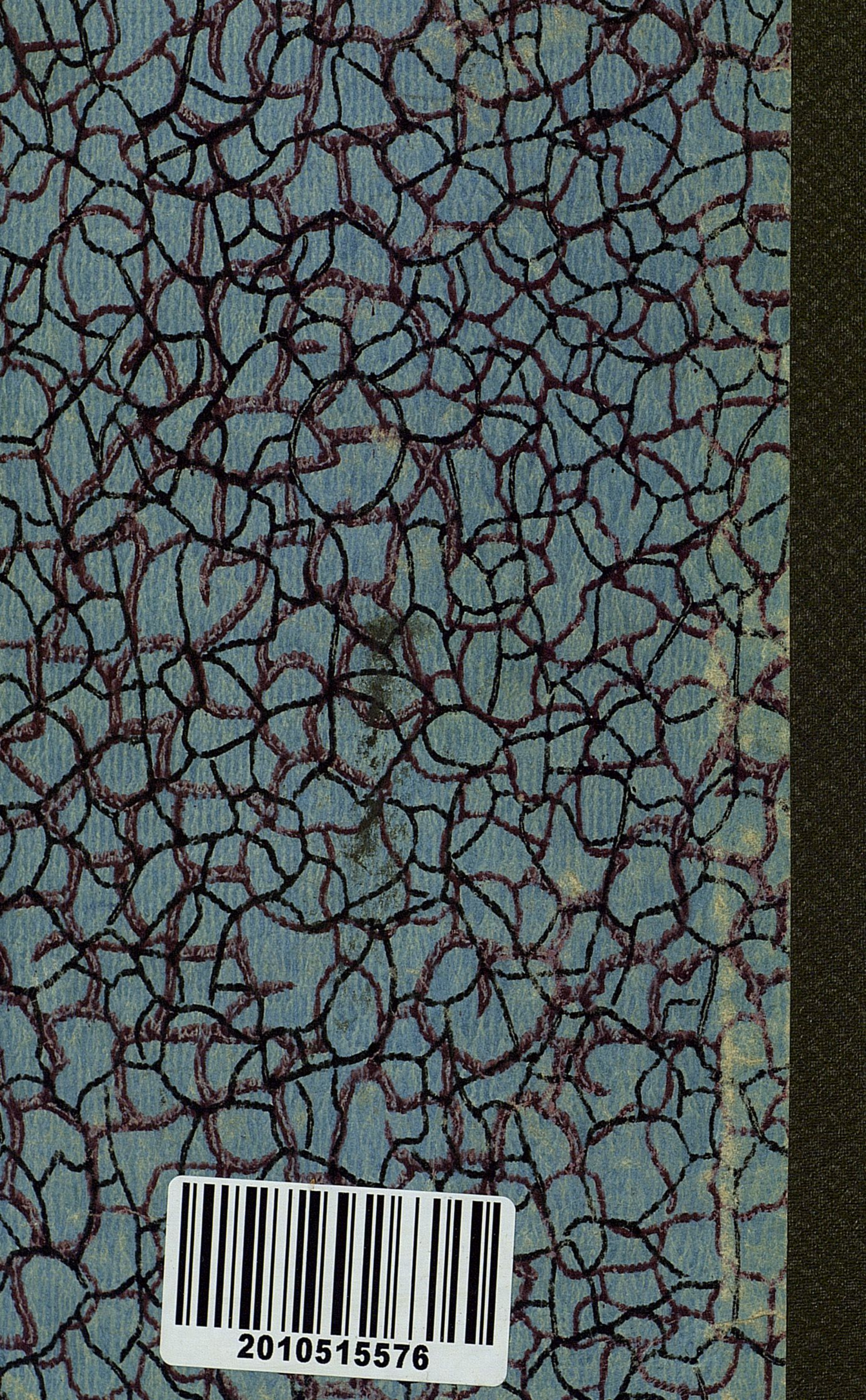
В. Водовозовъ.

Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1862 года.

2010515576